

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	
Источники и карты	9
<i>Введение</i>	
Россия как перекресток глобального хаджа	12
<i>Глава 1</i>	
Империализм через исламские сети	33
<i>Глава 2</i>	
Картографирование хаджа и интеграция мусульман	75
<i>Глава 3</i>	
Россия прокладывает свой маршрут хаджа	132
<i>Глава 4</i>	
Хадж и религиозная политика после 1905 года	175
<i>Глава 5</i>	
Хадж и социалистическая революция	219
<i>Заключение</i>	
Российский хадж в XXI веке	259
Благодарности	265
Сокращения	271
Библиография	272
Именной указатель	286

Введение

РОССИЯ КАК ПЕРЕКРЕСТОК ГЛОБАЛЬНОГО ХАДЖА

В конце XIX века Россия стала играть в мире новую роль — покровителя хаджа, мусульманского паломничества в Мекку. Царское правительство, ссылаясь на свою политику веротерпимости, субсидировало поездки мусульманских паломников по российским железным дорогам и на специально приспособленных «хиджазских пароходах», а также создало трансграничную сеть учреждений на паломнических маршрутах из России в Аравию. Оно выпустило специальные паспорта для паломников и издало новые законы для их защиты во время дальних путешествий. К началу 1900-х годов царское правительство выстроило обширную межимперскую инфраструктуру хаджа на русских, османских, персидских и индийских территориях. Один из архитекторов этой инфраструктуры, чиновник МИДа Н.В. Чарыков, описал ее как систему «льготных паромных сообщений через Константинополь», организованную «при деятельном участии» зарубежных русских консулов ради обеспечения безопасности, комфорта и низких цен для мусульманских паломников¹.

¹ Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его заключение по «мусульманскому вопросу», 1911 г. // Арапов Д.Ю. (сост.). Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): Сборник статей. М.: Наталис,

Россия, как православное государство, на первый взгляд не годилась на то, чтобы быть покровителем хаджа — одного из пяти столпов ислама и священного исламского ритуала. В императорской России правящая династия Романовых поддерживала православие как государственную религию. Православные цари претендовали на священное право царствовать, и Русская православная церковь обладала престижем и законными привилегиями «первенствующей» церкви империи. С конца XVIII века русские цари объявляли себя «защитниками» всемирного православия — в основном именно из-за этого в середине XIX века разразилась Крымская война, — что было частью саморепрезентации России как наследницы византийской имперской традиции и вписывалось в политику соперничества с Британией и Францией за влияние на христианские народы распадавшейся и слабевшей Османской империи.

Но за православной имперской риторикой царей скрывалась важная истина: Россия XIX века была не однородно православной, а мультиэтничной и мультирелигиозной империей. Таков был результат настойчивой, многовековой, начиная с XV века, русской имперской экспансии в основном на территории бывшей Монгольской империи, а также на османские и персидские земли. Крупнейшая континентальная держава в мировой истории, Российская империя около 1900 года заключала в своих границах многолюдные и внутренне разнородные христианские, буддийские, иудейские сообщества и — особенно многочисленные — мусульманские народы. Многое написано о пятимиллионном еврейском населении имперской России (благодаря сильному влиянию эмигрантов в этой научной области), но гораздо меньше внимания привлекали более многочисленные мусульмане. Перепись 1897 года показала, что мусульмане являются второй по общей численности конфессиональной группой после православных. Мусульмане имперской России не были монолитной общиной, а подразделялись на внутренние

2006. С. 360. Чарыков с самого начала играл ключевую роль в организации этой системы, сперва как агент-основатель Русского политического агентства в Бухаре в 1880-х годах, где отвечал за выпуск русских паспортов для бухарских паломников, а затем как русский посол в Константинополе в начале 1900-х годов.

группы — в зависимости от религиозных верований и культуры, языка и географии. В их число входили сунниты и шииты, оседлые и кочевые народы и десятки этносов, говоривших на различных индоевропейских, семитских и тюркских языках. Они населяли 89 губерний и областей империи (а также полуавтономные протектораты — Бухару и Хиву), прежде всего в Поволжско-Уральском регионе и Сибири, в Крыму и на Кавказе, в Казахской степи и Центральной Азии. В начале XX века, на момент максимального территориального расширения империи, в подданстве «православной» России состояло гораздо больше мусульман, чем у соседней «мусульманской» Османской империи, — соответственно 20 и 14 миллионов².

В результате впечатляющих завоеваний мусульманских стран и народов Россия оказалась интегрирована в глобальные сети хаджа. К XIX веку протяженные линии древних евразийских караванных путей, проложенных в прежние столетия, при мусульманских правителях, и долгое время служивших маршрутами хаджа в Мекку, оказались в границах Российской империи. Это сделало хадж предметом дипломатических отношений между Россией и ее южными соседями. В начале XIX века персидский и бухарский правители в порядке укрепления своей собственной легитимности и власти регулярно просили российского царя, чтобы их подданным разрешили пользоваться этими маршрутами для паломничества в Мекку. Российский царь, со своей стороны, нередко удовлетворял эти просьбы и *ad hoc* брал на себя традиционную историческую роль мусульманского правителя — роль покровителя и «защитника» хаджа, — обеспечивая безопасность паломников на своей территории и субсидируя их поездки в Мекку. Тем самым царь заботился о развитии экономических и дипломатических связей со своими мусульманскими соседями. Невозможно определить, сколько мусульман совершило хадж через российскую территорию до XIX века: большинство их не попало в поле зрения

² *Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 1–14 (см. на русском: Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 8–21); Edgar L.A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. P. 18.*

царских властей, слабо контролировавших обширные пространства России. Но несомненно, что масштабы хаджа были невелики. Дальние расстояния, высокие издержки, опасность и непредсказуемость путешествий ограничивали доступ мусульман в Мекку до начала эпохи модерна³.

Ситуация изменилась благодаря строительству современной транспортной сети в Российской империи. Очень быстро построенная во второй половине XIX века, после унижающего поражения в Крымской войне (1853–1856), — в рамках стремительной кампании «модернизации», нацеленной, помимо прочего, на развитие российского внутреннего рынка и внешней торговли, — эта сеть включала в себя и плотную паутину железных дорог, которая соединяла разрозненные регионы империи (радикально сокращая дистанции между ними) и сопрягалась с новейшими пароходными линиями из портов Черного моря. В России, как и повсюду, благодаря внедрению железных дорог и пароходов перестроились и ускорились существовавшие ранее схемы перемещения людей⁴. Ярче всего это проявилось на примере хаджа. Ранее паломничества в Мекку из России были редки, но в конце XIX века неожиданно стали массовым феноменом. Каждый год десятки тысяч мусульман, подданных царя или выходцев из Персии, Афганистана, Китая, совершали хадж через российскую территорию, большинство — через Черное море. Российские завоевания мусульманских стран и народов и революция мобильности по сути превратили империю в перекресток глобального хаджа. Чтобы управлять массовым потоком паломников, пересекающим империю и ее границы, Россия начала систематически поддерживать паломничество в Мекку.

Эта книга рассказывает, как Россия в конце XIX века взяла на себя роль покровителя хаджа в рамках более масштабных попыток управления исламом и интеграции мусульман в империю. Участие России в хадже я исследую с трансграничной точки зрения и раскрываю, каким образом в эпоху массовой

³ *Аранов Д.Ю.* Первый российский указ о паломничестве в Мекку // *Россия в Средние века и Новое время: Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 299.

⁴ *Amrith S.S.* *Migration and Diaspora in Modern Asia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 65–66.

мобильности имперский проект управления мусульманами и их интеграции приобрел глобальное измерение. Я оспариваю стереотипы об органически присущей царскому режиму исламофобии и о том, что русские чиновники из страха перед панисламизмом стремились блокировать движение мусульман за границу. Я показываю, что Россия в поздний имперский период по сути облегчила и даже усилила мусульманскую мобильность посредством поддержки хаджа. Я доказываю, что это делалось не только и даже не столько ради контроля над российскими мусульманами или слежки за ними в других странах, сколько в конечном счете для того, чтобы поставить на службу государству феномен хаджа как массовой миграции и использовать его в роли механизма имперской интеграции и экспансии.

Главный предмет моего внимания — инфраструктура хаджа, построенная в России между 1840-ми и 1910-ми годами и возрожденная в СССР в конце 1920-х годов. Под термином «инфраструктура» я подразумеваю не статичную структуру, а гибкую, развивавшуюся систему, которая радикально изменялась со временем, по мере того как царский режим все лучше узнавал географию маршрутов хаджа между Россией и Аравией и в связи с непрерывными изменениями итинерариев и предпочтений паломников. Она опиралась на сеть русских консульств, размещенных в узловых пунктах хаджа и вдоль популярных маршрутов из России в Мекку. К моменту максимального распространения, в начале 1900-х годов, она включала форпосты в Одессе и Джидде, Бомбее и Багдаде, Константинополе и Кербеле.

Есть искушение прийти к выводу, что идея российской инфраструктуры хаджа была выработана на встречах высокого уровня между царскими чиновниками за усталым картами столом и декретирована царями. Но это неверно. Данная идея сложилась в ходе спонтанных встреч между русскими чиновниками и мусульманскими паломниками внутри империи и в отдельных местах за границей, выросла из просьб и иногда требований мусульманских паломников о помощи в хадже со стороны русских властей. Паломники в конечном счете и определили географическую форму, которую приняла эта инфраструктура. Многие русские чиновники были вынуждены признать, что паломники сами решали, какими маршрутами ехать и стоит ли

пользоваться на них услугами российского государства. Таким образом, в течение этого периода данная инфраструктура очень сильно менялась: строительство железных дорог на российской и османской территориях преобразовывало транспорт и привлекало паломников на новые маршруты, а русские власти изучали поток паломников, чтобы разработать для них новые услуги⁵.

До последнего времени ученые, как правило, обходили молчанием пятисотлетнюю историю российской власти над исламом, и зачастую мусульмане оставались за рамками стандартных изложений русской и советской истории⁶. Это пренебрежение было обусловлено отчасти практическими и идеологическими обстоятельствами научной работы в период холодной войны, из-за которых во второй половине XX века было почти невозможно изучать историю ислама в СССР и его предшественнице, Российской империи. Советское правительство препятствовало работе в этой области и не допускало западных исследователей ни в архивы, ни в мусульманские регионы. Многие западные историки, со своей стороны, принимали на веру советскую риторку об уничтожении религии и обращались к другим темам⁷.

⁵ Российский государственный исторический архив [далее — РГИА]. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1196. Л. 74–75.

⁶ В США это пренебрежение во многом проистекало из правительственного финансирования исследований в данной области. Такие исследования начались в американских университетах после Второй мировой войны и анти-исторически отделяли Россию/СССР от Ближнего Востока, рассматривая их как два обособленных и не связанных между собой региона. Именно в этот период американские ученые стали ассоциировать ислам лишь с арабоязычным миром. См.: *Lockman Z. Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism*. Cambridge University Press, 2004. P. 121–147. Напротив, в послевоенной Франции некоторые видные историки изучали мусульманские «национальности», находившиеся под управлением СССР, и иногда проводили параллели между советскими мусульманами и другими мусульманскими народами под колониальным управлением. См., например: *Bennigsen A. Colonization and Decolonization in the Soviet Union // Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4. No. 1. P. 141–152; *Bennigsen A.A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

⁷ *Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley, CA: University of California Press, 2007. P. 2–4. Исламоведение существовало при советском режиме как область полевых исследований и даже выросло между 1960-ми и 1980-ми годами, когда в Москве были организованы новые научные центры. Но большинство советских исламоведов были специалистами по зарубежному исламу. См.: *Mikoulski D. The Study of Islam in Russia and*

Не изучаемые специалистами, российские мусульмане выпали из поля зрения: они отсутствовали в нарративах об истории Российской империи и почти не встречались в истории ислама и европейского колониализма. Только начиная с 1990-х годов, когда СССР неожиданно распался на пятнадцать отдельных национальных государств — из них шесть с преимущественно мусульманским населением, — российские мусульмане вновь стали предметом научного изучения⁸.

Благодаря открытию архивов и коллекций рукописей исследователи в последние годы опубликовали работы, в которых предложили важные идеи о том, как Россия управляла своим мусульманским населением, а также о жизни мусульман под царской властью. В этих новых исследованиях были сделаны шаги к интеграции мусульман в более общие нарративы русской, советской и глобальной исламской истории⁹. Новые работы также вызвали среди ученых дискуссии о том, как лучше всего охарактеризовать отношения между мусульманами и государством в Российской империи. Историк Роберт Круз оспаривает стандартные «конфликтностные» подходы и доказывает, что Россия в эпоху модерна относительно успешно управляла мусульманами, не «игнорируя» и не подавляя ислам, а поддерживая его. В конце XVIII века русская царица Екатерина Великая (годы правления — 1762–1796) под влиянием идей

the former Soviet Union: An Overview // Nanji A. (ed.). *Mapping Islamic Studies: Genealogy, Continuity and Change*. Berlin: W. de Gruyter, 1997. P. 95–107; Милибанд С.Д. Востоковеды России, XX — начало XXI века: Библиографический словарь: В 2-х кн. М.: Восточная литература РАН, 2008.

⁸ Kappeler A., Simon G., Brunner G. (eds.). *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*. Durham, NC: Duke University Press, 1994.

⁹ Два ведущих историка российского ислама, Адиб Халид и Роберт Круз, в своих работах использовали совершенно разные подходы. Халид в своей первой книге спорит со стандартным описанием Центральной Азии как колониальных задворков Российской империи и стремится переопределить ее историю как часть динамичной глобальной истории ислама и модерна. См.: Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. xiv–xv. Круз, напротив, подчеркивает действенное «приручение» ислама Россией в эпоху модерна и помещает ислам и мусульман в центр истории российского империестроительства. См.: Crews R. *For Prophet and Tsar (Круз Р. За пророка и царя). О мусульманах в советской и постсоветской Центральной Азии* см.: Khalid A. *Islam after Communism*.

Просвещения о религии как о полезном инструменте управления провозгласила официальную веротерпимость в отношении ислама и учредила в империи внутреннюю исламскую иерархию во главе с утвержденными государством клириками (Оренбургское магометанское духовное собрание)¹⁰. Круз доказывает, что посредством этой иерархии правительству удалось сделать ислам инструментом и институтом, облегчив как прямое государственное вмешательство в мусульманские религиозные дела, так и интеграцию мусульман в империю. По утверждению Круза, когда Россия превращала ислам в институт, она в конечном счете стремилась «запечатать границы империи» и изолировать российских мусульман от заграничных мусульман и духовных лидеров¹¹. Ученые могут спорить о достижениях исламской иерархии, созданной российским государством, — выполняла ли она ожидаемую правителями России функцию инструмента государственного контроля над исламом и в какой мере активно сотрудничали с ней мусульмане¹². Но никто не спорит о целях, с которыми она создавалась: обеспечить доместикацию ислама в России и изоляцию российских мусульман от глобальных исламских структур.

Главная цель настоящей книги — оспорить этот прямолинейный взгляд. Я доказываю, что Россия не только пыталась культивировать внутренние источники исламского авторитета и побуждала российских мусульман подчиняться государственным исламским институтам, но и поддерживала параллельно исламский институт хаджа, более того — вдохнула в него новую жизнь. В данном случае Россия отнюдь не старалась оборвать связи мусульман с внешним миром, а, напротив, содействовала их облегчению и даже расширению. Эти действия отразились в инфраструктуре хаджа, построенной российским государством

¹⁰ Это учреждение, созданное в конце XVIII века, сначала называлось Уфимским духовным магометанского закона собранием, а позже было переименовано в Оренбургское магометанское духовное собрание. См.: *Crews R. For Prophet and Tsar*. P. 55 (*Круз P. За пророка и царя*. С. 65).

¹¹ *Crews R. For Prophet and Tsar*. P. 2–3 (*Круз P. За пророка и царя*. С. 9–10).

¹² См. критику аргументов Круза: *Tuna M. Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 9; *Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 9.

в конце XIX — начале XX века с большими затратами и усилиями. Россия создала эту инфраструктуру в попытке поставить хадж себе на службу и извлечь из него ожидаемую выгоду для правительства и империи. Это оказалось сложной задачей: хадж, как и другие виды паломничества, был во многом спонтанным явлением, по множеству причин его ход было сложно предсказать, не говоря о том, чтобы контролировать и использовать в своих интересах. Русские чиновники зачастую были разочарованы нежеланием мусульманских паломников следовать официально объявленными маршрутами или пользоваться услугами, которые предоставляло в пути государство. Тем не менее строительство этой инфраструктуры Россией свидетельствует о том, что царские чиновники обладали комплексным пониманием хаджа и его важности для России. Некоторые видели в нем угрозу, но многие другие — выгоду. Глобальные аспекты ислама не были только лишь проблемой, с которой царское (а позже советское) правительство пыталось справиться или тем более которую пыталось устранить; это был феномен, создававший новые позитивные возможности для России, и она старалась использовать его в экономических и стратегических целях.

* * *

История того, как Россия унаследовала и усвоила традицию хаджа, — часть более общей истории глобального европейского империализма. К концу XIX века европейцы подчинили колониальному управлению большую часть мусульманского мира (из мусульманских стран только Персия, Афганистан и Османская империя избежали колонизации). Каждая из ведущих империй того времени — Британская, Нидерландская, Французская и Российская — имела в подчинении больше мусульман, чем любое отдельное, независимое мусульманское государство¹³. И большинство паломников, появлявшихся в Мекке в конце XIX века, были жителями колоний. Их число было беспрецедентным — до 300 тысяч в год в начале 1900-х годов, что яв-

¹³ Motadel D. (ed.). *Islam and the European Empires*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 1.

лялось следствием мировой революции мобильности, которая шла рука об руку с европейским империализмом¹⁴.

В контексте колониального мира, с внедрением железных дорог и пароходов, паломничество превратилось из небольшого по масштабам ритуала, совершаемого в основном элитариями, в массовое ежегодное событие. В нем стала доминировать сельская беднота, толпившаяся на палубах аравийских пароходов с билетами третьего и четвертого классов. Ее часто грабили алчные капитаны; такие случаи попадали в европейские новости и порождали скандалы, один из которых лег в основу сюжета романа Джозефа Конрада 1900 года «Лорд Джим»¹⁵.

Появляется все больше исследований того, как все европейские державы в XIX веке стали поддерживать хадж в рамках более общей политики аккомодации ислама в их империях. Хадж как обязательный ритуал и трансграничный миграционный феномен создавал уникальную проблему для этой политики. В отличие от других исламских институтов, таких как мечети или шариатские суды, имевшие локальный, стационарный характер и явно видимую иерархию, хадж был слабо организован, никем официально не возглавлялся и включал в себя дальние путешествия по постоянно меняющимся маршрутам, которые в основном лежали вне поля зрения и вне компетенции колониальных властей любой конкретной страны. Также колониальные власти опасались хаджа как разносчика инфекционных болезней и подрывных политических идей. Многие хотели бы уничтожить его. Власти боялись Мекки — закрытой, как и сегодня, для немусульман — как центра антиколониальной политической агитации, где мусульмане всего мира собирались якобы для сговора о восстании против европейских империй. Но, поскольку хадж для мусульман обязателен (Коран требует, чтобы каждый взрослый мусульманин, способный себе это позволить, совершил паломничество), запретить его было невозможно. В то

¹⁴ Wolfe M. (ed.). *One Thousand Roads to Mecca: Ten Centuries of Travelers Writing about the Muslim Pilgrimage*. New York: Grove Press, 1997. P. 191–195; Osterhammel J. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. P. 164.

¹⁵ О романе Конрада и реальных событиях в его основе см.: Gilsenan M. *And You, What Are You Doing Here?* // *London Review of Books*. 2006 (19 October). Vol. 28. No. 20.

же время колониализм с его железными дорогами и пароходами открыл доступ в Мекку, усилил привязанность мусульман к священному городу и увеличил их желание совершить хадж. В колониальную эпоху ислам во всем мире стал более «мекко-центричным», чем когда-либо ранее в истории.

Ученые, рассматривающие колониальные контексты и следующие влиятельному тезису Уильяма Роффа о «двойной угрозе», утверждают, что европейские державы поддерживали хадж, в сущности, из оборонительных соображений: чтобы сдерживать распространение холеры и панисламистских идей. Как доказывал Дэниел Брауэр, в России к концу XIX века царские власти были, по сути, вынуждены разрешить и даже поддержать хадж, следуя российской политике веротерпимости и желая предотвратить негативные для империи политические и санитарные последствия нерегулируемого хаджа¹⁶.

Но историки слишком поспешно признали сходство между империями. Если ближе взглянуть на российский случай, мы увидим, что мотивации для участия государства в хадже были сложнее, чем рассказывают в стандартных историях, и что особенности географии Российской империи придавали ситуации некоторые уникальные черты. Россия была континентальной империей с многочисленным мусульманским населением внутри границ, а не в отдаленных заморских колониях, и маршруты хаджа проходили через ее центральные, славяноязычные территории и оживленные порты на Черном море. В силу этого хадж затрагивал как внутренние, так и внешние ее интересы. Для России хадж не был делом исключительно отдаленных регионов и народов, невидимым в самой стране и не имеющим отношения к внутренним проблемам. Он был весьма заметным ежегодным событием, которое происходило в основном в пределах российских границ и в тесной связи с внутренними делами.

¹⁶ *Brower D.* Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No 3. P. 567. О глубокой подозрительности хаджа в глазах государственных властей и об их стремлении контролировать и ограничивать его см.: *Crews R.* For Prophet and Tsar. P. 71–74 (*Круз Р.* За пророка и царя. С. 81–84); *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform. P. 52–54; *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 63–64.

Цели, которые преследовала Россия, поддерживая хадж, были иными, чем у других европейских держав, и более амбициозными. В решении России поддержать хадж больше всего удивляет не то, что оно было принято для защиты от предполагаемых санитарных и политических угроз, а то, что в конечном счете оно было попыткой превратить паломничество в инструмент осуществления секулярных государственных и имперских программ. В эпоху, когда Россия одновременно старалась культивировать массовое коллективное чувство имперской принадлежности и «русскости» среди многообразных народов империи и развивать экономику страны ради финансирования реформ в общегосударственном масштабе, царское правительство взялось покровительствовать хаджу, чтобы интегрировать недавно покоренные мусульманские народы и направить заманчивые доходы в государственные закрома. С этой целью Россия организовала на государственных железных дорогах и пароходах сезонные услуги для паломников, рассчитывая направить их поток в русскую транспортную систему и заработать для казны миллионы рублей. В этом смысле российский случай больше напоминает османский, ведь султан возложил на себя сложный и дорогостоящий патронат над хаджем не только потому, что таков был его долг как правителя мусульманских священных городов и как халифа всех мусульман, но и по нерелигиозным, стратегическим соображениям, а именно: чтобы интегрировать в империю арабоязычных мусульман и обосновать присутствие османских войск в отдаленных арабских провинциях¹⁷.

В отличие от Франции и особенно Британии, у России не было ни устоявшихся коммерческих интересов, ни обширного консульского присутствия в арабских провинциях Османской империи, ставших центром соперничества европейских империй в середине XIX века. Этот регион включал в себя мусульманские священные города Мекку и Медину, а также другие важные исламские святыни и святые места в Иерусалиме и Дамаске, посещаемые в XIX веке множеством мусульман в рамках комплексного паломнического итинерария. Неудивительно, что

¹⁷ *Faroqhi S. Pilgrims and Sultans: The Hajj under the Ottomans. London: I.B. Tauris, 1994.*

Россия стала патронировать хадж также и по стратегическим соображениям, рассматривая его как инструмент влияния в османской Сирии, Аравии и других зарубежных зонах имперских интересов и конфликтов, где не могла претендовать ни на какие или почти ни на какие предметы интереса помимо хаджа. Поэтому в стратегическом отношении российский патронат над хаджем имел целью не столько защиту существующих интересов, сколько расширение имперского влияния России на новые части света.

* * *

История, которую я рассказываю в этой книге, раскрывает участие России в одной из великих глобальных миграций эпохи модерна. В XIX веке хадж был самым масштабным паломничеством как в мире, так и в России¹⁸. Но, при всем внимании современных ученых к разнообразным российским миграциям, хадж отсутствует в этой историографии, обычно сосредоточенной на внутренних крестьянских миграциях и в меньшей степени на массовой (главным образом польской и еврейской) эмиграции из России в поздний имперский период¹⁹. Загадочное отсутствие хаджа в историографии российских миграций служит отражением более общего явления — пренебрежения мусульманами в нарративах о русской истории. Конечно, специалисты в других областях — в основном исламоведы и антропологи из Европы, России и Японии — написали добротные

¹⁸ *Osterhammel J.* The Transformation of the World. P. 164.

¹⁹ О крестьянской миграции в России конца XIX века как о части процессов урбанизации, роста рабочего класса и внутренней колонизации см.: *Anderson B.A.* Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980; *Alpern Engel B.* Between the Fields and the City. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Johnson R.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1979; *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. См. также избранные статьи в кн.: *Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.)*. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. London: Routledge, 2007; а кроме того: *Moon D.* Peasant Migration, the Abolition of Serfdom, and the Internal Passport System in the Russian Empire, c. 1800–1914 // *Eltis D. (ed.)*. Coerced and Free Migration: Global Perspectives. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. P. 349.

труды о мусульманской мобильности, о сетях обменов и контактов в Евразии эпохи модерна. Как я показываю в этой книге, мусульмане были одной из самых мобильных групп населения в Российской империи; они были связаны с единоверцами через торговые, паломнические и образовательные сети и часто перемещались внутри империи и за ее границы. Но историки России по большей части игнорируют эти научные работы, и их еще предстоит интегрировать в историю российских миграций²⁰.

Включив хадж в эту историю, мы сможем приступить к переосмыслению некоторых предпосылок наших теорий о моделях российских миграций и их влиянии на империю. Как выясняется, миграции были для России не только внутренним делом, а миграции за границу не всегда были переселением на постоянное место жительства. Революция мобильности в России XIX века преобразила жизнь не только русских крестьян и евреев, но и мусульманских народов империи. Когда в 1880-х годах железные дороги достигли Кавказа и Центральной Азии, мусульмане этих регионов неожиданно получили доступ не только в Мекку, но и в другие части Российской империи и всего мира. Некоторые выселились со своей родины, но гораздо большее количество людей стало ездить по железным дорогам и исследовать империю. Эти внутренние мусульманские миграции ставили перед режимом вопрос о том, что «видят» мусульмане — какие впечатления получают от империи, — и побуждали русские власти конструировать новые связи между мусульманами в разных частях империи в рамках политики интеграции мусульман. Не все русские чиновники усматривали в мусульманских миграциях проблему — некоторые воспринимали их положительно. Многие считали хадж не разрушительным, а созидательным миграционным феноменом,

²⁰ Литература из других областей и дисциплин, написанная на тему мусульманских миграций в России и СССР, обширна и многоязычна. Над этой темой работает целая группа ученых из многих стран, прежде всего из Европы, бывшего СССР, Японии и Турции. См., например: *Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia.* Leiden: Brill, 1998; *Kemper M. Khalidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihad // Die Welt des Islams.* 2002. Bd. 42. Nr. 1. S. 41–71; *Komatsu H., Obiya C., Schoeberlein J. (eds.). Migration in Central Asia: Its History and Current Problems.* Osaka: Japan Center for Area Studies, National Museum of Ethnology, 2000.

который порождает экономическую активность и потенциальные возможности внутри России, предоставляет готовые связи с другими частями мира и открывает возможности для мировой экспансии российского влияния и мощи.

Изучение хаджа также расширяет конвенциональные пространственные рамки истории Российской империи. Ее историки зачастую воспринимают пространство как данность. Они обычно рассматривают свой предмет изучения как обособленную территорию, замкнутую в формальных границах, вечно одну и ту же Россию, представленную на картезианской карте, как если бы русская история разворачивалась в аккуратном, пусть и неправдоподобном соответствии этим границам²¹. Такой подход удобен, но в его рамках трудно, а то и невозможно разглядеть сложные процессы, феномены и культуры контактов и обменов, преодолевавших формальные границы России. Он также не позволяет увидеть географическую сложность связей России с другими частями мира и ее участия в их делах в эпоху глобализации и массовой мобильности. Я утверждаю, что он даже укрепляет мировоззрение эпохи холодной войны, в котором неисторически отделяются друг от друга «Россия» и «Ближний Восток», из-за чего пропадают из виду целые главы имперской истории и усиливается влиятельная и ложная точка зрения, противопоставляющая Запад и Восток, христиан и мусульман и т.д.²²

Границы позднеимперской России, как и других империй и государств того времени, были проницаемы, по большей части

²¹ А вот блестящая попытка написать историю, преодолевающую (и подрывающую) ложную определенность формальных государственных границ: *Carter P. The Road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. См. также: *Lewis M.W., Wigen K.E. The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press, 1997.

²² См. великолепное новое исследование, продвигающее границы Российской империи в нетерриториальные пространства океана: *Jones R.T. Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea*. New York: Oxford University Press, 2014. Необычайно инновационный нарратив русской истории через биографию одного человека, до некоторой степени выходящий за официальные границы России, см. в работе: *Sunderland W. The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. См. также: *Lewis M.W., Wigen K.E. The Myth of Continents*. P. 1–19.

слабо охранялись и тянулись на тысячи километров. Мигранты с легкостью пересекали их, зачастую не замеченные имперскими властями. Модели и процессы этих миграций соединяли Россию с другими частями света связями, которые мы только начинаем изучать. Принадлежавшие к разным категориям, все мигранты заслуживают нашего внимания. Паломники, направлявшиеся в Мекку, — особенно полезный объект для изучения перемещений через формальные границы России, поскольку их миграции происходили в оба конца, были периодичными (привязанными к определенному времени года по исламскому лунному календарю) и потому отслеживаются сравнительно просто.

Выявляя маршруты и перемещения паломников, мы начинаем смотреть на империю по-новому, с пространственной точки зрения. «Империя» — неоднозначный термин, и здесь я применяю его к географическому пространству, иначе оформленному и более обширному, чем замкнутая территория Российской империи, как она обозначена на картах. Полезным будет позаимствовать некоторые аналитические концепции и термины у географа Дэвида Харви, который различал «абсолютное» и «относительное» пространства. Применяя эту теорию к Российской империи, мы можем сказать, что абсолютное пространство империи заключалось в ее территориальных границах, а относительное — рождалось в ходе миграции и обмена между российскими подданными, российскими местностями и народами всего мира²³.

Хадж — точка входа в это относительное пространство, и он дает возможность исследовать малоизвестные аспекты того, как в течение XIX века перестраивалась Российская империя. Изучение истории хаджа напоминает нам, что позднейшие границы России выглядели для современников иначе, нежели для нас: зачастую они не играли роли для тех, кто пересекал их (нередко не зная этого), и имели неопределенный характер с точки зрения имперских чиновников, многие из которых считали их временными. Таким образом, географические контуры России в XIX веке не были предначертаны, и империю

²³ Harvey D. Space as a Keyword // Castree N., Gregory D. (eds). David Harvey: A Critical Reader. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2006. P. 70–93.

с пространственной точки зрения нельзя просто свести к ее знакомой фигуре на карте как к ясно определенной и самодовлеющей сущности.

* * *

Реакция мусульман на участие России в хадже была неоднозначной. Листая страницы мемуаров о хадже, можно найти и похвалы, и жесткую критику. Неудивительно, что похвалы исходят в основном от мусульманской элиты, которая обладала привилегированным статусом благодаря своей службе русскому правительству и потому имела все основания одобрять русское участие. К этой элите принадлежали такие люди, как муфтий Султанов, глава Оренбургского собрания, который совершил хадж в 1893 году и на три дня остановился в русском консульстве в Джидде на обратном пути из Мекки. Рассказ Султанова полон восхвалений в адрес русского консула А.Д. Левицкого, который «оказался настолько любезным, что с удовольствием предложил остановиться в своей квартире», несмотря на вспышку холеры в Джидде и риск заражения²⁴. Однако другие жаловались на навязчивость, грубое обращение и грабительство жадных посредников, работавших от имени государства. Один астраханский татарин-мусульманин в 1909 году советовал своим читателям избегать «нечестного» одесского муллы Сабиржана Сафарова, который работал агентом русских пароходных компаний и беспощадно охотился на бедных паломников²⁵.

Но было бы ошибкой заключить, что мусульмане просто возмущались попытками России поддерживать хадж или активно отвергали его инфраструктуру, построенную Россией. В общем и целом большинство мусульман из России в той или иной мере использовали в своих паломничествах имперскую поддержку. Русские консульские архивы наполнены перепиской

²⁴ Султанов С.-Г., *хаджи*. Священная область мусульман в Аравии (из воспоминаний паломника) // *Землеведение*. 1901. Кн. 1–2. С. 139.

²⁵ Саяхатнама, Астрахан губернасы Красный Яр уезы Сайид карйасының ал-хажж ал-һарамайн Эр Эли Рәһимбердиев ал-Карагачының хажж сафарында курганлары. Астрахань: Умеров и Ко, 1911. С. 6.

между паломниками и чиновниками консульств, откуда видно, что мусульмане регулярно обращались к консульским чиновникам за помощью в хадже: просили денег, указаний, временного жилья, медицинской помощи, отправки писем родственникам в Россию и т.д. Список просьб и требований длинен и отражает острые нужды паломников в ходе длительного и трудного путешествия из России в Аравию. Многие паломники писали русским консулам письма с благодарностью за помощь, обещали молиться за них и за царя и радовались, что являются царскими подданными и пользуются дипломатической защитой за границей.

Русские консульские чиновники зачастую воспринимали эти письма буквально, как свидетельство того, что поддержка хаджа содействует укоренению в российских мусульманах гордости за их статус российских подданных и укрепляет в них лояльность царю. Но мы должны проявить больше осторожности. Несомненно, многие мусульмане были благодарны за протекцию со стороны России во время хаджа, однако у нас мало оснований считать, что это как-то меняло их отношение к царю или империи. Их готовность пользоваться услугами Российского государства и выражения благодарности в письмах скорее свидетельствуют об изобретательном применении статуса российских подданных, когда это было удобно и когда требовалась защита или помощь.

Какие бы истинные чувства ни испытывали паломники в отношении участия России в хадже, они фактически помогали ей конструировать инфраструктуру хаджа — тем, что обращались в ее консульства, пользовались к своей выгоде услугами Российского государства и ездили на российских поездах и пароходах. К началу Первой мировой войны Россия и другие европейские державы участвовали практически во всех аспектах хаджа, даже в османской Аравии. Голландцы в Джидде организовали комплексный центр услуг «Бюро хаджа», британцы держали амбулаторию за пределами своего консульства (под руководством вице-консула — мусульманского врача из Британской Индии), а в Эль-Торе (у оконечности Синайского полуострова) и на острове Камаран (в Красном море) были организованы карантинные пункты для осмотра паломников, где служили

европейские врачи и медсестры²⁶. Большинство мусульман той эпохи сочли бы невозможным совершить хадж, не взаимодействуя с европейскими властями. Такое положение шокировало и обескураживало многих мусульманских наблюдателей, не ожидавших, что в османской Аравии их встретят европейцы. Абдюррешид Ибрахим (Абдуррашид Ибрагим), панисламистский интеллектual и активист из России, в 1908 году прибыл на карантинную станцию на острове Камаран и удивился, когда в дверях дезинфекционного корпуса его встретила женщина-христианка. «Разве мы не на османской земле?» — спросил его столь же пораженный спутник, на что Ибрахим ответил: «Я не знаю»²⁷.

С точки зрения Ибрахима, русское и европейское участие в хадже было ни с чем не сообразным и нежелательным: как и другие мусульманские интеллектualы, он видел здесь противоречие с мусульманской религией, традицией и историей и слабо прикрытую попытку колонизовать османскую Аравию. Любопытно, что некоторые русские чиновники согласились бы с этим. В эпоху, когда нарастала тревога перед панисламистской угрозой для империи, так же как и страх перед эрозией привилегированного положения православия, некоторые люди требовали, чтобы царский режим прекратил участвовать в хадже и отменил его поддержку. Но это было мнение меньшинства. Большинство сотрудников режима считали, что России выгодно поддерживать хадж.

Советский режим, установившийся в России в 1920-х годах, занял такую же позицию. Подобно другим революционным режимам, советская власть строила свое новое государство отчасти на основе того прошлого, которое она официально отвергла.

²⁶ О голландском «Бюро хаджа» в Джидде см.: *Bianchi R.R. Guests of God: Pilgrimage and Politics in the Islamic World*. Oxford: Oxford University Press, 2004. О европейских медицинских учреждениях и персонале: *Long D.E. The Hajj Today: A Survey of the Contemporary Pilgrimage to Makkah*. Albany: State University of New York Press, 1979. О британском вице-консule в Джидде — докторе Абдуррезаке, мусульманине из Британской Индии, см.: *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* [далее — BOA]. Fon: Y.A.HUS. Dosya: 252. Gömlek: 40. Vesika 1 (13 октября 1891 г.).

²⁷ *Papas A. Following Abdurresid Ibrahim: A Tatar Globetrotter on the Way to Mecca* // *Papas A., Welsford T., Zarcone T. (eds.). Central Asian Pilgrims: Hajj Routes and Pious Visits between Central Asia and the Hijaz*. Berlin: K. Schwarz, 2012.

Поэтому большевики начали выстраивать систему собственно глобального присутствия, заново открыв маршруты хаджа через русскую территорию и возродив инфраструктуру хаджа царской эпохи.

История российского участия в хадже, рассказанная в этой книге, до сих пор не обращала на себя внимания отчасти потому, что она слабо отражена в материальной жизни региона и в архивных записях. Об османском покровительстве над хаджем нам рассказывает в основном физический ландшафт. Археологи, работающие на современном Ближнем Востоке, реконструировали маршруты хаджа эпохи Османской империи и изучили остатки старых инфраструктур, построенных вдоль этих маршрутов имперским правительством. Они изучили каменные цистерны, руины караван-сараев, родники и кладбища, что позволило восстановить разные аспекты материальной истории хаджа османской эпохи²⁸. Российский хадж, напротив, почти не оставил физических следов. В отличие от османских маршрутов, отмеченных каменными постройками, российская инфраструктура хаджа представляла собой по сути рассеянную сеть из людей и учреждений, организованных вдоль железных дорог и на бортах пароходов; каменные здания не строились, тела умерших паломников выбрасывали в море, и они исчезали без следа, а немногочисленные существовавшие физические структуры (например, мусульманское кладбище в Одессе, где были похоронены многие паломники) были разрушены в 1930-х годах, в рамках сталинской модернизации Украинской ССР²⁹.

В российских имперских архивах тоже непросто найти материалы по теме хаджа. Современные государственные архивы обычно содержат богатые и глубоко упрятанные источники по истории человеческой мобильности, и российские архивы не исключение. Русские чиновники XIX века, как правило, воспринимали отсутствие мобильности и непроницаемые границы как желаемую норму. Поэтому хадж, подобно другим формам мобильности, привлекал их внимание в качестве потенциального

²⁸ См., например: *Petersen A. The Medieval and Ottoman Hajj Route in Jordan: An Archaeological and Historical Study. Oxford: Oxbow Books, 2012.*

²⁹ *Головань В. Некрополь Одессы: первое одесское кладбище. Одесса: Фотосинтетика, 1999.*

нарушения локального порядка (и в качестве источника потенциальных возможностей), и они производили горы документов о нем³⁰. Но, несмотря на обильную документированность, хадж фактически «похоронен» в российских архивах, поскольку рубрики каталогизации отражали внимание царских чиновников к границам, местным проблемам и оседлому населению, а позже — марксистское мировоззрение советских архивистов³¹. Так как участники хаджа перемещались в пространстве, государственные источники неизбежно фрагментированы.

Для реконструкции этой истории я собрала источники из архивов и коллекций на территориях бывших Российской и Османской империй. Опираясь на эти собранные в единый комплекс источники и фрагменты, данная книга расширяет границы нашего понимания российской имперской географии царской эпохи и интегрирует Россию в историю глобализации, где ею долго и незаслуженно пренебрегали.

³⁰ *Baron N., Gatrell P.* Population Displacement, State-Building, and Social Identity in the Lands of the Former Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003 (Winter). Vol. 4. No. 1. P. 52–53.

³¹ *Ludden D.* Presidential Address: Maps in the Minds and Mobility of Asia // *Journal of Asian Studies*. 2003 (November). Vol. 62. No. 4. P. 1062.